

стического партизанского отряда, и, хотя оно заканчивается катастрофой, гибель юноши нельзя назвать бессмысленной: он принимает открытый бой с отрядом фашистских солдат. «...Ромек прильнул к земле. Полы распахнувшегося плаща чернели на светлом поле; пригнув голову, он стрелял. Где-то на уровне груди вспыхивало короткое пламя и гасло, вспыхивало и гасло...» — таким видели Ромека товарищи в последние его минуты.

Не ради еще одного крика о страданиях человека в годы фашистской оккупации — теме трагической и глубоко личной в творчестве Выгодского — написаны его книги. Для того чтобы не возвратилась никогда ночь фашизма, нужны стихи, рассказы, повести о силе человеческого духа. Вера в торжество братства людей неотделима в творчестве Выгодского от веры в коммунистические идеалы.

Н. БАШИНДЖАГЯН-
АРУТЮНОВА

ЦЕНОЙ ПОТЕРИ

Graham Greene. A Burnt-Out Case.
London, Heinemann, 1961.

По илистой реке в глубине африканского континента ползет катер. На нем один-единственный каютный пассажир. Он изнемогает от зноя, духоты и москитов, но тем не менее равнодушен к неудобствам и тяготам путешествия. Катер подходит к небольшому поселку прокаженных — лепрозорию. Узнав, что это конечный пункт рейса, пассажир выходит на берег и остается в лепрозории.

Администрация лепрозории состоит из нескольких католических монахов, присланных в Африку на послушание, и доктора Колена, врача-атеиста, посвятившего свою жизнь лечению прокаженных. Пришельцу дают приют, хотя, по вполне справедливому замечанию доктора Колена, лепрозорий — не курорт. Пришельца зовут Куэрри, он замкнут, ничего о себе не сообщает, слушает рассказы доктора Колена о трудностях, с которыми тот сталкивается в своей работе. Через некоторое время он заявляет, что хочет быть чем-нибудь полезным, не поручат ли ему стирать бинты прокаженных?

Так начинается новый роман Грэхема Грина «Ценой потери». Наш читатель, уже знакомый с романами Грина

«Тихий американец» и «Наш человек в Гаване», знает, что за острыми, подчас сенсационными сюжетными построениями Грина кроется анализ серьезных проблем современного буржуазного мира.

Куэрри — модный архитектор с громким европейским именем. В один прекрасный день, словно охваченный «амоком», он пускается прочь от своей благополучной жизни и бежит куда глаза глядят, пока случай не приводит его в лепрозорий, затерянный в африканских джунглях. Как выясняется, он пришел по правильному адресу. Его болезнь относится к разряду моральных недугов, но автор приравнивает ее по тяжести и трудности излечения к проказе.

И сам Куэрри, и его беда — порождение буржуазной цивилизации. Куэрри добился того, что рекомендуется этой цивилизацией как цель жизни, — личного успеха. Славу ему принесла модернизация церковной архитектуры, он строил из стали и стекла католические соборы, «которые можно было принять за концертный зал и даже за оранжерею». Однако уже в молодости он утратил религиозные чувства; и идея сооружаемых

зданий становилась для него все более чуждой. Почувствовав опасность такой деятельности для себя как художника, Куэрри пытается строить гражданские здания, но выясняет, что он, как он сам выражается, «не верит в политику», иными словами, чужд всякой социальной идее. С ужасом Куэрри убеждается, что его творчество, лишенное социального и морального содержания, умирает, что невозможно сохранить живую душу искусства, довольствуясь одним лишь соблюдением эстетических пропорций.

Сходные очертания имеет кризис в его личной жизни. Его отношения с женщинами, близкими людьми становятся все более бездушными и аморальными. Он опустошен, не может отвечать на любовь любовью, делается жесток и циничен. Чувствуя, что он опасно болен болезнью, губительной для него самого и для окружающих, Куэрри бежит, хочет спрятаться от мира и от себя, потерять себя так, «чтобы ничто не напоминало ему, что он когда-то был жив», избавиться от всего, что было его привычным миром, впасть в спячку, которая должна закончиться его естественной смертью.

В докторе Колене Куэрри находит не только человека, вызывающего в нем уважение, но и проникательного врача-атеиста моральной проказы. Колен не согласен с тем, чтобы Куэрри стирал бинты в лепрозории и сделал бы тем самым еще один шаг в «забвении себя», он объясняет Куэрри, что со стиркой бинтов отлично справляются монахини. Колен хочет, чтобы Куэрри помог своим опытом архитектора в постройке нового больничного корпуса для прокаженных, чтобы он обратил хотя бы малую часть своего призвания и таланта на помощь другим людям. Подвигнуть на это Куэрри оказывается не так просто: его моральная проказа зашла слишком далеко. «Эксперимент, который

СРЕДИ КНИГ

вы задумали, невыполним.— говорит ему доктор Колен.— Человек не может жить голым одним собой. «Еще как может!» — отвечает Куэрри.

И тем не менее доктор Колен одерживает победу. Он исподволь знакомит Куэрри с состоянием лепрозория. Больница существует на нищенский бюджет, который складывается из пожертвований церкви и жалких грошей, отпускаемых колониальными властями. Не хватает персонала, не хватает медикаментов, не хватает современной медицинской аппаратуры. Жестоко страдающие от своей ужасной болезни негры лежат на грязных подстилках, которые приносят с собой в больницу из дома. Новых больных нельзя своевременно госпитализировать: каждый день, в удушающей зной, доктор Колен принимает десятки «амбулаторных» пациентов, приходящих из негритянских поселков в джунглях, и сумрачно констатирует, что война с болезнью только еще начинается. Наглядевшись на прокаженных, в особенности на больных детей, Куэрри соглашается помочь выстроить новый больничный корпус, сделать строительство практичным и дешевым.

Степень выздоровления Куэрри не переоценивает ни доктор Колен, ни он сам. Доктор Колен рассказывает Куэрри об одном из типичных случаев выздоровления от проказы. Далеко зашедшую болезнь не удается унять, пока она, как лесной пожар, не сжигает все, что горит. Потом она затихает. Больной становится не опасен для окружающих. Он выздоравливает, но «ценой потери»: остается калекой, обычно теряет пальцы на руках и ногах. Люди, спасшиеся от проказы таким путем, слишком изувечены и слишком подавлены своим увечьем, чтобы вернуться к прежней жизни и к прежним занятиям, часто они предпочитают остаться при лепрозории.

Куэрри уже не может обрести себя полностью как

человек и художник, как творческая индивидуальность. Но перед ним открывается возможность выздоровления «путем потери», и он настойчиво идет к избавлению от болезни, перестает быть «бациллоносителем», как он выражается сам. «Он научился служить людям и даже смеяться,— говорит доктор Колен вскоре после гибели Куэрри.— Станный это был смех, но все же смех».

Обстоятельства гибели Куэрри играют важную роль в романе Грина. Куэрри — беглец из буржуазного мира, и, хотя он бежит не в лагерь противников буржуазии, а всего лишь на «ничью землю», он — «рenegат» и, следовательно, опасен для престижа капиталистической культуры. Как это оскорбительно для самолюбия буржуазного мира, что человек, которому были даны все «высшие призывы этого мира — деньги, слава, довольство, комфорт,— не только отказывается от них, но и еще плюет в лицо своим «благодетелям».

Мир, из которого он бежал, внешне как будто бы равнодушен к ускользнувшей добыче. Однако затерянный в джунглях лепрозорий связан с городом Люк, центром колонии, Люк связан с метрополией, а пресса метрополии связана с мировой капиталистической прессой. И здесь с удивительным мастерством романиста и с глубоким пониманием психологии буржуазного общества Грин показывает, как без всякого предварительного замысла или участия организующей руки, на одних лишь случайностях, растущих из инстинктивной хищности и пошлости буржуазного мира, вокруг Куэрри сплетается интрига, из которой он уже не может выпутаться. Вокруг него целым роем кружатся какие-то чудища, бесы буржуазного мира. Они выпрашивают его, цепляются за него, обвиняют его, тянут назад. В конце концов его попросту пристреливает один из взбесившихся буржуа, вообразивший себя обманутым мужем.

Деятельным участником этого «неорганизованного заговора» против Куэрри выступает журналист Паркинсон, примчавшийся в африканские джунгли, чтобы поведать читателям бульварной прессы сенсационную историю о великом архитекторе — баловне судьбы, добровольно удалившемся в «пустыню». Паркинсон второстепенный персонаж в романе, и все же трудно назвать в новейшей западной литературе другой столь убедительно и разоблачающе написанный образ желтого журналиста. Паркинсон был когда-то человеком, даже стремился в молодости стать писателем, но фигура, которую показывает Грин, уже почти не имеет человеческих черт. Паркинсон сам готов признать, что оскорбить его практически невозможно. Единственное, что может его серьезно огорчить, это чек, в котором будет представлена сумма, меньшая, нежели он ожидал. Фигура Паркинсона гротескна, но гротескна и современная желтая капиталистическая печать и ее «корифей».

Интересно указать, что у Куэрри хватает пронзительности и уважения к истине, чтобы разглядеть в этом уродливом порождении буржуазной культуры своего собрата. «Мы с вами два сапога — пара», — говорит он журналисту. Он видит в Паркинсоне лишь более низменный случай своего собственного заблуждения, результат духовной деятельности, руководимой одной лишь жаждой успеха, без идеи, без чувства моральной ответственности.

Убийца Куэрри, маргаритовый фабрикант Рикэр, — представитель местных колонизаторов и верующий католик. Грин, как известно, связан с католицизмом, хотя, надо отдать ему справедливость, больше делает для разоблачения католицизма и религии, нежели для их возвеличения. В Рикэре он показывает, как религия, нераздельно сплетаясь с лицемерием и эгоизмом, становится прикрытием и орудием бесчеловечности и безнравствен-

ности. Моральная проказа Рикэра страшнее самых страшных случаев физической проказы в больнице доктора Колена.

Смерть Куэрри как бы подводит итог задуманному Грино моральному этюду из жизни современного буржуазного общества. Куэрри хоронят на кладбище лепрозория в «улочке атеистов», где лежит жена доктора Колена и оставлено место для него самого. Доктор Колен глубоко поражен гибелью своего «пациента», которого уважал за чергу искренности в его натуре и с выздоровлением которого от моральной проказы связывал некоторые надежды на дальнейшее сотрудничество в борьбе с проказой физической. Доктор переходит к своему повседневному тяжкому труду. Снова удушью зной африканского полдня. Несколько десятков прокаженных больных у докторского порога. Чернокожая женщина вводит трехлетнего малыша, и доктор определяет у него первые симптомы проказы. «Сдерживая ярость», как сказано у Грина, доктор Колен дает себе клятву через год-два вылечить ребенка от страшной болезни, вылечить без увечий, не «ценой потери».

На этом можно было бы закончить рассказ о новой книге Грина, но она требует еще небольшого «постскриптума».

В предпосланном роману посвящении Грин пишет, что для выполнения задачи, которую он поставил перед собой, ему требовалась обстановка, «далекая и от мировой политики и от мелких повседневных тревог». Между тем место действия романа — Бельгийское Конго. Правда, роман написан до прогремевших на весь мир трагических событий 1960—1961 года. Можно также добавить, что Конго нарисовано у Грина довольно условно, по многим признакам это могла бы быть какая-нибудь другая африканская колония, принадлежащая Франции или Англии. И тем не менее странно читать, что в поисках политически нейтральной об-

становки писатель избирает именно эту многострадальную и давно уже бурлящую колонию бельгийских империалистов в самый канун ее превращения в политический вулкан.

Творчество Грина вплоть до «Тихого американца» оставалось в большей своей части затянувшимся путешествием по лабиринту упадочного буржуазного сознания, причем писатель охотнее задерживался в тупиках этого лабиринта, чем искал выхода из него. Потрясенный событиями «грязной войны» во Вьетнаме, Грин впервые сумел увидеть и почувствовать подлинную драму народной жизни. В «Тихом американце» — узколичные конфликты и более или менее заслуженные страдания пресыщенного меньшинства оттесняются с авансены романа незаслуженными муками и порывом к справедливости голодных и страдающих миллионов. «Тихий американец» стал событием в творчестве Грина, и его моральные искания приобрели небывалую глубину и содержательность.

Следующим произведением Грина был «Наш человек в Гаване», острая и умная книга, отмеченная некоторой странностью. Странность заключалась в том, что действие этого романа разворачивается на Кубе в самый канун революционного взрыва, однако ничего о надвигающихся событиях, кроме глухих упоминаний о повстанцах, собирающих свои силы где-то в горах, в романе нет.

И сейчас в «Ценой потери» — аналогичная странность с Конго, да еще сопровождаемая нелепо звучащей оговоркой об отдаленности места действия романа от мировой политики. И здесь брошенные вскользь два-три замечания, два-три намека на какие-то назревающие события — и все.

На протяжении нескольких лет — Вьетнам, потом Куба, потом Конго. Если бы Грин располагал сейсмографом социальных потрясений, который подска-

зывал бы ему, в какой уголок мира направить свое писательское внимание, он не мог бы выбрать вернее. Однако, если писатель наделен таким острым чувством политической современности, это накладывает на него и политическую ответственность. Какой читатель, живущий передовыми идеями нашей эпохи, примирится с тем, что в романе о Конго нет Конго. Нет того главного, что характеризует жизнь сегодняшней Африки, антиколониального движения африканцев?

Возникает второй вопрос. Не оказывает ли Грин и себе дурную услугу, не обкрадывает ли себя как художника, избегая в своих последних книгах писать о народных движениях, передавая их в лучшем случае лишь как напряженный эмоциональный фон для личных переживаний героев?

Было бы неправильно делать поспешный вывод, что Грин повернул назад от «Тихого американца». Разоблачительный пафос романа «Ценой потери» обращен против капиталистического мира, его лицемерия, аморальности, враждебности человеку. Больше того, можно с уверенностью утверждать, что доктор Колен, самоотверженный, непритворно любящий людей, здоровый в интеллектуальном и моральном отношении, никогда не станет на сторону колонизаторов в их столкновении с народными массами. В творчестве Грина — это новый герой, перед которым, без сомнения, большое будущее.

Чего следует пожелать Грэхему Грину? Меньше оглядываться назад, не искать нейтральных уголков там, где их нет и быть не может, смелее развивать то новое и важное видение современного мира, способность к которому он убедительно показал в «Тихом американце».

А. СТАРЦЕВ